

Реквием по офицеру

О последнем кузнецком уездном воинском начальнике Мечиславе-Иване Бедло-Зволинском

(Окончание. Начало в № 142, 143.)

В тюрьме Бедло-Зволинский был помещён в общую камеру с несколькими арестованными в день восстания колчаковскими милиционерами. Тогда же был взят под арест и посажен в крепостную одиночку, известную под именем “камера Достоевского”, и генерал Путилов.

В отношении того, что делать с арестованными Бедло-Зволинским и Путиловым, кузнецкий ревком пребывал в нерешительности. С одной стороны, этих высокопоставленных белых офицеров можно было использовать в качестве заложников на случай возможной атаки колчаковских частей (белогвардейские гарнизоны в это время находились ещё во всех городах Томской губернии, включая близлежащие от Кузнецка Бачаты и Кольчугино). С другой стороны, ревком с недоверием относился к основной массе солдат местной команды и бывшего колчаковского батальона, вполне обоснованно опасаясь в случае изменения военной конъюнктуры за их благонадёжность. В этой ситуации можно было предполагать, что вчерашние вольные и невольные повстанцы при новом повороте событий могут использовать арестованных офицеров в качестве своих предводителей. Пока ревком предавался раздумьям о судьбе заключённых, ситуация в городе во многом выходила из-под контроля. В Кузнецке уже со 2 декабря орудовали неподконтрольные никому группы вооружённых людей, начиная от обычного уголовного элемента (выпущенного без разбору из тюрьмы в момент восстания) до небольших повстанческо-партизанских отрядов, беспрепятственно заходящих в оголётанный город (группы Тагаева, Побызаква, Федотова, Тугушева, Мерзлякова, Галанина, Абозапуло, отряд Черкасова и другие). По городу прокатилась волна реквизиций, переходящая в грабежи и убийства. На этом фоне 5 декабря в Кузнецк въехал отряд партизана Толмачёва в количестве около ста человек. По версии, которую позднее излагали сами толмачёвцы, решение о казни Бедло-Зволинского было принято ревкомом и поручено представителям отряда Толмачёва. Командир команды конных разведчиков отряда Толмачёва Андрей Скоробогатов прямо говорил: “Я лично и мой брат Яшка Скоробогатов расстреляли воинского начальника, со мной участвовали Дульнев Василий и Верещагин Александр”. Действительно, А.В. Верещагин подтверждает это, но при этом представляет казнь Бедло-Зволинского как свою единоличную “заслугу”: “Арестованные сидели в тюрьме, и ревком решил вынести пяти из них смертный приговор - расстрелять доктора Баева, Путилова, Зволинского. Назначили, кому их расстреливать. Я расстрелял Зволинского”. Далее Верещагин подробно описывает всю экзекуцию. “Мне дали пропуск, вызов - эти документы нужны были для начальника тюрьмы. Тот сказал мне: “Идёмте со мной”. Я зашёл в здание тюрьмы. Начальник тюрьмы подал команду: “Встать в две шеренги”. Все арестованные, их было тридцать человек, построились в коридоре. Зволинский был огромный детина. Я указал на него, и он вышел за мной. В узком коридоре я начал бить его плёткой, приговаривая: “Хватит вам расстреливать честных людей”. Я просто озверел. Потом вывел его и повёл ко рву. Здесь и убил его. Доложил об этом Афанасию Иванову (председатель ревкома. - П.Л.). Он за это налил мне стакан вина (речь идёт о хлебном вине - водке. - П.Л.)”. То, что Верещагин “озверел”, так же как и остальные соучастники этого убийства, подтверждает тот самый начальник тюрьмы, о котором упоминает Верещагин, - И.Ф. Вилисов, а также стоявший в это время в карауле на крепости и видевший всё происходящее кузнецанин солдат местной команды В.К. Попугаев. По воспоминаниям Вилисова (запись 1970 года), “через день (после убийства Путилова. - П.Л.)

в тюрьму приехали партизаны и попросили вывести из тюрьмы бывшего воинского начальника подполковника Зволинского. Я приказал надзирателю привести Зволинского. Когда он вышел из тюрьмы, то партизаны приказали ему идти в город. Он пошёл, а они за ним. Когда вышли за ворота, то на правой стороне около пали его расстреляли. Дали первый залп - он упал, а потом встал. Дали второй залп, и с ним было покончено”. В.К. Попугаев конкретизирует, что в подполковника стреляли двое: один из винтовки, второй - из револьвера наган в спину и затылок. После убийства толмачёвцы уехали, а начальник тюрьмы И.Ф. Вилисов здесь же в крепостном рву организовал временное захоронение воинского начальника. Несмотря на отличие в ряде деталей, все эти факты свидетельствуют о том, что Мечислав-Иван Феликсович Бедло-Зволинский был расстрелян без суда и следствия в начале декабря (в период с 5 по 6-е число) 1919 года представителями отряда Толмачёва. Ему было только 53 года, последние пять лет он прослужил в Кузнецке. В день казни подполковника его супруга Софья Матвеевна, ещё не зная о случившемся, принесла родному человеку в тюрьму передачу. Подавленный происшедшим, И.Ф. Вилисов тогда не решился сказать вдове правду и сослался на неприёмный день. Впрочем, слухи об убийстве Бедло-Зволинского очень быстро распространились по городу. Но только через несколько дней, когда в Кузнецк уже зашёл партизанский отряд Рогова, Софья Матвеевна получила разрешение от ревкома забрать останки мужа и перезахоронить их на городском кладбище. И последний штрих к этой трагедии: когда труп убитого Бедло-Зволинского для приготовления в последний путь находился в его доме, туда ввалилась группа вооружённых людей (предположительно, из отряда Рогова), которые на глазах у прощавшихся с подполковником перевернули гроб со стола, сбросив тело на пол. Нечеловеческая жестокость и такая же ненависть - первые спутники гражданской войны. Софья Матвеевна, похоронив любимого Мечика (как она при жизни ласково называла мужа), выехала из города и навсегда покинула Кузнецк. Её дальнейшая судьба неизвестна. Трагедия польского по происхождению и русского по духу офицера Мечислава Феликсовича Бедло-Зволинского, обладавшего замечательными качествами истинного командира с “суворовским” отношением к рядовому солдату, которого современное поколение военнослужащих называло бы не иначе как “батяня-комбат”, - это преломление в отдельной судьбе трагедии всего русского офицерства, ввергнутого в молох гражданской войны: оно было убито (и как социальный слой, и как духовное течение) и исчезло, оставив о себе лишь искры памяти. Подполковник Бедло-Зволинский - до сих пор непогасшая искра этой памяти...

Пётр Лизогуб